

И. В. Булгутова

*Бурятский государственный университет
Улан-Удэ*

МОТИВ ВОЗВРАЩЕНИЯ В ПРОЗЕ Б. ЯБЖАНОВА

Рассматриваются произведения бурятского писателя Б. Ябжанова, в которых мотив возвращения имеет сюжетообразующее значение, являясь завершающим звеном циклической сюжетной схемы «утрата – поиск – обретение». Устанавливается мифологическая семантика мотива возвращения и его глубинные истоки в сфере бессознательного в произведениях, где реализуются архетипические образы, в частности архетип матери. В рассказе «Сердце матери» возвращение героини в бессознательном состоянии к основанию прежнего дома происходит в предчувствии смерти, которая мыслится как окончательное возвращение в лоно природы-матери, в рассказе возникает семантическая тождественность: в смерти матери возвращаются к ней ее погибшие дети, она же сама возвращается в вечность. В повести «Мать-волчица» также выявляется идея единства материнского удела в природе, необходимости сохранения естественного баланса в ней; возникает мотивный комплекс, в котором возвращение связывается с мезьтью и обретением. Возвращение как завершающее звено жизненного круга закономерно связывается в авторском сознании с материнским архетипом, неотъемлемой частью которого является функция истока жизни. Реализация идеи изначального тождества в мифосознании определяет связь мотивов возвращения и смерти, так, в рассказе «Хэрмэшэ» смерть означает возвращение и обретение героями своей изначальной сущности.

В рассказах Б. Ябжанова «Слеза», «Камень, брошенный вверх» мотив возвращения реализуется в контексте нравственно-этических исканий автора как выражение кармической предопределенности событий, устанавливаемой самими героями – носителями авторитетной точки зрения. Возвращение в прошлое и переоценка прежних событий происходит в финальной части жизни героев, ретроспекция проясняет их ошибочные действия, нарушившие неписанные правила и закономерности, естественным образом устанавливаемые мифосознанием. Возвращение как восстановление утраченного баланса выявляется в мотиве наказания. Автор в пределах индивидуальной человеческой судьбы выявляет нарушение порядка и неизбежное затем восполнение целостности.

В повести Б. Ябжанова «Беды и радости мои», имеющей автобиографические истоки, мотив возвращения означает исцеление и переход на следующий этап жизненных исканий. Проекция собственной судьбы позволяет автору разомкнуть логику мифомышления, установив вектор времени исторически, от прошлого к будущему. Таким образом, в творчестве Б. Ябжанова мотив возвращения приобретает преимущественно мифологическую семантику.

Ключевые слова: мифосознание, сюжет, сюжетная схема, архетипический образ, мотив возвращения, мотив смерти, мотив воскресения.

Булгутова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета (ул. Ранжурова, 6, Улан-Удэ, 670000, Россия, irabulgutova@mail.ru)

Проза бурятского писателя Б. Ябжанова (1927–1996) многогранна по освоению жизненных реалий, в его романах, повестях, рассказах раскрываются широкие картины народной жизни, быта, традиций, обычаев. В художественном мире, созданном писателем, воплотились как его богатый жизненный опыт, так и сами принципы народного миропонимания, во всей полноте отразилась специфика традиционной картины мира бурят с сохраняющимся мифосознанием. Сюжетная основа произведений Б. Ябжанова многообразна, нередко в его произведениях предстает фигура авторитетного рассказчика, чаще старика, раскрывающего «невыдуманные истории» из жизни, то есть для писателя чрезвычайно важно было раскрыть народную точку зрения. Построение сюжета в его произведениях во многом определяется мифосознанием, в частности нами исследовался сюжет его рассказов об охоте, когда ситуация «случай на охоте», получая мифологическое осмысление, начинала мыслиться как закономерное явление, любая случайность сводилась к закону.

Мотив возвращения в литературе имеет архетипические истоки. Как писал М. Элиаде, «доминирующим аспектом всех лунарных космо-мифологических теорий является циклическое возвращение того, что было раньше, иначе говоря, “вечное возвращение”». Также в них прослеживается мотив повторения архетипического деяния, проецируемого на все уровни: космический, биологический, исторический, социальный и т. д.» [1998, с. 138]. Мифологический аспект мотива возвращения определяется его местом в циклической сюжетной схеме, так, О. М. Фрейденберг выделяет общее в различных его типах: «То, что в солярных композициях – удаление и возвращение, то в вегетативных – смерть и воскресение...» [1997, с. 228].

Мотив возвращения реализован во многих произведениях Б. Ябжанова, так, в рассказе «Сердце матери» этот мотив имеет сюжетообразующее значение, в нем своеобразно преломляются все моменты циклической сюжетной схемы. Уход из дома девятиностосемилетней бабушки Долгор, страдающей потерей памяти, показан с точки зрения ее дочери Сэржуни – это звено утраты, потери. Далее повествование включает в себя сознание блуждающей Долгор, возвращение к месту, где прежде находился ее дом, воскрешение памяти, картины прошлого, оживающие в мерцающем сознании героини, – встреча с погибшими на войне сыновьями и ее смерть соответствуют звеньям «поиска и обретения». Архетипичность ситуации возвращения перед смертью еще и в том, что действия героини по причине ее старческого слабоумия бессознательны большей частью, она почти не осознает себя и трагичность складывающегося положения. «Аяяр ерэн долоотой хүн яахадаа, ямар хүсэһөө иимэ үсэдөөр, иимэ нэгэрүүгээр урагшаа зүдхэнэ гээшэб?.. Хаана, хэндэ хүрэхэ гэжэ энэ болотороо, бии үгы хүсээ зангидан урагшаа эрмэлзэнэб?» («Почему девятиностосемилетний человек так упорно куда-то шагает, по какой причине идет вперед? Куда и к кому изо всех сил она стремится?») В момент же возвращения к старому основанию дома возвращается к героине и память, и способность мыслить. «...Тэг дундань – гэрэй нуури, нуури гэжэ даа, подвайльнь нүхэн шаралжаһанда дарагдаһан хонхор хобоо болошонхой даа» («...На вершине пригорка – основание дома, да какое основание, яма, когда-то бывшая подвалом, заросшая сорной травой») [Ябжанов, 1989, с. 85]. Героиня не только вспоминает картины прошедшей жизни, она начинает осознавать реальность – наступление холода, снегопад, ухудшающуюся погоду, грозящую ей гибелью, но существеннее то, что оживает прошлое, и перед смертью проясняется смысл и предназначение жизни героини как матери, всегда хранившей в душе боль от потери своих сыновей на войне. Все события, разворачивающиеся дальше, происходят между жизнью и смертью, на их грани. Так, возникает образ чудесного белого скакуна, спускающегося с вершин гор, на котором возвращается

к матери старший сын. Встреча матери и сына описывается как происходящая в реальности. И мать, и сын осознают, что после войны прошло время, сын спрашивает о своей жене, детях, внуках. Встреча с другими сыновьями происходит после воскрешения других картин прошлого, то есть момент гибели Долгор есть еще и возвращение к истокам, возвращение не только в пространстве, но и во времени своей человеческой жизни. Одного за другим чудесный скакун уносит сыновей от матери, только младший сын, простившись, сам возносится на небеса, откуда непрестанно идет снег. «Тээд огторгойн олон мянган бурхад энэ буурал эхые хайрлабагуйл даа: үнэнэн боро үүлэнийн абаахай сагаан саһаяа доошонь адхажал, адхажал байна. Нүгэл хилэнсэгээр, зоболон гашуудалаар баян оршолонто энэ дэлхэе саһаар хушахаяа эрмэлзэн шэнги саһаяа адхана. Энэ золгүй эхын буурал сагаан толгой дээрэшье, ажалда холожо, арһа яһандаа тороһон гар дээрэшье, энгэр захаяа сэлиһэн үбсүүн дээрэшье нойтон саһаяа хайр гамгүй бадхуулна». («Но тысячи богов небесных не пощадили старую мать: золисто-серые тучи все продолжали сыпать и сыпать белой паутиной снега, как будто поставили цель покрыть снегом эту полную грехами, горем и печалью землю. На седую голову несчастной матери, на мозолистые от работы жилистые руки, на раскрытую грудь щедро сыплет и сыплет мокрым снегом») [Ябжанов, 1989, с. 91]. «Смерть есть жизнь, а потому из жизни проистекает смерть, из смерти – жизнь; уход есть приход, а потому исчезновение дает прибытие, а соединение – разлуку» [Фрейденоберг, 1997, с. 229].

В своей прозе Б. Ябжанов не раз обращается к образу матери и осмыслению архетипических истоков этого образа, всеобщность материнской судьбы показана им в повести «Волчица», в других его произведениях не раз раскрывается образ природы-матери, в художественной философии автора сохраняется представление о нерасторжимости и естественности связи человека с природным миром, сохранности изначальных основ. В финале как молитвой к природе звучит обращение к высшим силам:

«– Ай даа, байгаали эхэмни, бордоһото саһаяа хориш! Саг зуурашье хаань тогтоогыш! Нойтон шиигтэй шэрүүн газар дээрэшни дүрбэн хүбүүгээ дайнда алдаһан Эхэ мүнхэржэ байнал!..» («– О мать-природа, останови этот снегопад! Хоть на мгновение останови! На сырой и мокрой, жесткой земле мать, потерявшая четырех сыновей на войне, переходит в Вечность!») [Ябжанов, 1989, с. 91]. Возвращение героини к основанию прежнего дома, возвращение в прошлое не просто обстоятельства ее гибели, это выражение циклической закономерности, сама смерть становится возвращением и обретением изначальных основ. Не случайно пейзаж вбирает и растворяет в себе героиню, тут можно увидеть утверждение тождества: мать обретает погибших детей в своей смерти, сама при этом возвращается к матери-природе. «В мире мифологических текстов, в силу пространственно-топологических законов его построения, прежде всего выделяются структурные законы гомеоморфизма: между расположениями небесных тел и частями человека, структурой года и структурой возраста и т. д. устанавливаются отношения эквивалентности. Это приводит к созданию элементарно-семиотической ситуации: всякое значение должно интерпретироваться, получать перевод при трансформации его в знаки другого уровня... микрокосм внутреннего мира человека и макрокосм окружающей его вселенной отождествляются...» [Лотман, 1992, с. 226].

В повести «Эхэ шоно» в образе волчицы также выделена именно архетипическая материнская сущность, всеобщая для всех живущих. Название в дословном переводе означает «Мать-волчица»; в бурятском языке есть отдельное слово для обозначения самки волка «үлэгшэн», поэтому перевод названия «Волчица» не отражает всей полноты авторского замысла. Как известно, «основной закон ми-

фологического, а затем и фольклорного сюжетосложения заключается в том, что значимость, выраженная в имени персонажа и, следовательно, в его метафорической сущности, развертывается в действие, составляющее мотив; герой делает только то, что семантически сам означает» [Фрейденберг, 1997, с. 223] Действия волчицы определяются в большей степени материнским инстинктом, вместе с тем само количество волчьего потомства – семь волчат, превышает меру, то есть для того, чтобы прокормить детенышей, волку, а потом, после его гибели от рук людей, волчице приходится нападать на домашний скот. Поступки и поведение волчицы детерминированы на бессознательном инстинктивном уровне; когда человек убивает всех ее детенышей, она мстит людям последовательно и долго, не случайно ее месть наводит ужас на все селение. В самом обозначении чувства мести в бурятском языке есть глаголы «брать», «возвращать», «взять обратно» – «абаха», «үһөөгөө абаха» – «мстить» в значении «восстановить нарушенное равновесие», устранить возникший на энергетическом уровне дисбаланс. По мнению автора, есть память на глубинном уровне, то есть животные обладают именно памятью чувств, отличие же человека от животных в авторском понимании в способности прогнозировать, думать о будущем, чего нет у животных. Месть – чувство, которое не является осознаваемым и волевым, определяет ряд поступков и действий. В повести реализуется мотив мести, но предикативность здесь детерминирована. «Не менее важна и связь действия-предиката с актантами в структуре мотива. Именно соотношение “предикат – актанта” как базисное в семантической структуре мотива воплощается в конкретном сюжете и форме события как фабульной реализации взаимодействия мотива и персонажа» [Силантьев, 2001, с. 14]. То, что волчица в порыве мести крадет человеческое дитя – это тоже попытка восполнения, возвращения матерью утраченного потомства. И финальный эпизод, когда преследуемая людьми волчица не может убить ребенка в силу очень сильного материнского инстинкта, тоже вполне закономерен. Сюжетная фаза возвращения здесь реализуется в том, что мстящая волчица «возвращается» к истинной своей природной – материнской – сущности. «Үхибүүдэй уйлаан юугээрээ эшьеб бэе бээдээ адлирхуу байгша ха юм даа. Хоёр хүлтэй хохимойн ахир заахан үрийн досооһоо гаража байһан иимэ таһалдуу, эбдүүсэнги уйлаан өөрэйнь хүбүүдэй гиинаһан, ёолоһон абяае һануулба. Тэрэ хурса хутагын эри мэтэ араа һоётой үргөө нээһэн зандаа байшаба...» («Детский плач, будь то плач ребенка или детеныша, чем-то схож между собой. Прерывистый, горький плач, в котором заливалось крошечное дитя двуногого существа, напомнил ей поскуливание и плач ее собственных детенышей. Она застыла, обнажив острые, как нож, клыки») [Ябжанов, 1984, с. 66].

Мотив возвращения в сюжете рассказа Б. Ябжанова «Хэрмэшэ» также сохраняет мифологическую семантику. Название рассказа содержит кличку охотничьей собаки, таким образом, в самом имени ее отражена функциональность, «хэрмэшэ» – букв. «собака, которая охотится на белок». «Протосюжетная схема переходного обряда складывается из четырех ключевых фаз: ухода (расторжение прежних родовых связей индивида) – символической смерти, символического пребывания в стране мертвых (обретение искушенности – знаний и навыков взрослой жизни, накопленных предками) – возвращения (символическое возрождение в новом качестве). Однако столь архаический сюжет, практически неотличимый от мифа, даже в сказке обнаруживается далеко не всегда [Тюпа, 2006, с. 185–186]. В рассказе выражена идея неразрывной связи между человеком (охотником) и преданной ему собакой, событийный ряд показан преимущественно с точки зрения Хэрмэшэ. Так, в его восприятии показано расставание – уход хозяина на войну. Затем среднее звено сюжетной цепи – обстоятельства жизни в тылу, предыстория дружбы человека и собаки, история спасения им четвероно-

ного друга – раскрывается с точки зрения домочадцев – хозяйки и ее сына. Цепь замыкается смертью и собаки, и его хозяина, причем Хэрмэшэ умирает не просто от тоски, а почувствовав гибель своего хозяина на войне, до получения людьми похоронки, она, оплавав его, исчезает. Исчезновение и смерть Хэрмэшэ тоже показано как возвращение в лоно природы, к истокам, это еще и возвращение к хозяину. «Һайн нохой гэрһээ холо, хээрэ газар ошожо яһаа хаядаг юм, үгышые һаа ой тайгада гарадаг» («Хорошая собака перед смертью уходит прочь из дома, убегает в лес или тайгу») [Ябжанов, 1986а, с. 287]. Смерть Хэрмэшэ и весть о смерти хозяина-охотника показаны как одномоментные события, есть мысль о тайной связи судеб разных существ, обретение ими в смерти своей единственности.

Возвращение в прошлое и поиск в нем объяснения сложившейся в настоящем ситуации – еще один вариант реализации мотива возвращения в прозе Б. Ябжанова, который связан с идеей кармы, возвращение как звено причинно-следственной связи. В рассказе «Нулимса» (Слеза) рассказчик старик Содбо, потерявший сыновей на войне, а затем и жену, объясняет свою горькую одинокую старость совершенным в юности грехом – собаку, спасшую ему жизнь, он отдал для спасения жизни больного соседа – многодетного отца.

«Магад, тэрэ нүгэл, хилэнсэгһээм боложо, бурхан намайе хэһээгээ бээ даа... Хүншни залуу ябахадаа, юушые ойлгодоггүй гэнэн ябадаг юм. Үтэлхэ, үхэхын дабаан дээрэ ханахашье, ханахагүйшые юумэ ханажа һуухаш даа» («Может быть, из-за того греха, совершенного мной, бог и наказал меня... В молодости человек многого не понимает. На перевале старости и смерти думаешь обо всем, о чем можно думать и нельзя») [Ябжанов, 1986б, с. 302]. «...Страдание и боль в рамках архаической цивилизации никогда не воспринимались как “слепые” и лишённые смысла. Вот почему индусы довольно рано выработали понятие о карме – универсальном законе причинно-следственных связей, в котором учитываются события и страдания, испытанные человеком...» [Элиаде, 1998, с. 154].

Возвращение в таком контексте получает нравственно-этическое осмысление и сопрягается в сознании с понятием наказания. Так, в начале рассказа Б. Ябжанова «Камень, брошенный вверх» сцена убийства охотником изюбра, в финале же – его собственная гибель на охоте. «Нүгэл хилэнсэгһи дараа, – гэжэ абгамни хүндэ хүндөөр амилна. – Туруута ан, баабгайнуудые олоор алаа хүм. Өөдэнь шэдэһэн шулуун өөрым толгойдо унааба. Нүгэлөө нюдөөрөө үзэжэ байна...» («Грехи одолели меня – произнес дядя, тяжело дыша. Очень много я убил животных: и парнокопытных, и медведей. Камень, брошенный вверх, упал на мою же голову. Возвращение своих грехов вижу своими глазами») [Ябжанов, 1989, с. 103]. Метафора, данная в названии рассказа, реализуется в сюжете. Вместе с ним само объяснение произошедшего, безусловно, характеризует именно мифосознание, когда нарушенный баланс непременно должен восстановиться, в этом смысле возвращение сопрягается с понятиями восстановления, обретения утраченного порядка вещей.

В повести Б. Ябжанова «Куда ускакал конь» (1971) можно усмотреть еще один аспект реализации мотива возвращения, которое происходит вследствие проявления личной воли человека – во время войны заключенный под стражу по уголовному обвинению сбегает из тюрьмы, возвращается на родину и прячется в лесах. Персонажу-дезертиру Сэсэрэну противопоставлен его брат Жамбал, героически сражающийся на фронте. Возвращение без чести оборачивается гибелью.

В повести же «Зол шор хоёрни» (Беды и радости мои) – предстает история жизни от первого лица, от лица рассказчика – старика, вспоминающего обстоятельства своей молодости, причем образ слушателя также персонифицирован, это юноша, который описывает рассказчика Баасана со стороны и все перипетии и обстоятельства самого события рассказывания. Получается «двойное» повест-

вание от первого лица, юноша воспроизводит рассказ старика, такая двойная призма позволяет автору усилить лирическое переживание любовных чувств.

В повести выделяются три фазы циклического сюжета (круговорот «жизнь – смерть – жизнь»): это утрата солдатом здоровья и мужской силы в силу ранения и следующее затем расставание с любимой, второе звено – годы испытаний и невзгод, проведенные в неизбывной любовной тоске, третье звено – фаза возвращения – это исцеление, обретение любви, сил для новой жизни после встречи с прежней любовью. «...Сюжет получает эпизоды и композицию: началом является эпизод исчезновения или разлуки, серединой – поиски, и концом – нахождение, появление, сочинение» [Фрейденберг, 1997, с. 228]. Единственное произведение Б. Ябжанова, в котором мотив возвращения не сопрягается со смертью, – это произведение, имеющее автобиографические истоки. Сокровенный опыт собственных, пережитых им страданий автор воплотил в психологически насыщенном повествовании. Вектор времени текущей авторской жизни размыкает цикличность жизнеутверждающим финалом.

Таким образом, в прозе Б. Ябжанова мотив возвращения реализуется в завершающей фазе произведения, круговорот жизни и смерти завершается чаще всего смертью, только в автобиографической повести звучит мотив воскресения к новой жизни. Мифологическая семантика мотива возвращения в прозе Б. Ябжанова определяется обращением писателя к архетипическим образам, в частности архетипу матери, высшим проявлением которого мыслится материнское лоно природы. Отличительной чертой творчества писателя является глубокое постижение закономерностей природной жизни, с которой в авторском сознании неразрывными узами связана жизнь человека. «Своими глубоко лирическими, философски содержательными и психологически обоснованными произведениями Балдан Ябжанов внес заметный вклад в развитие не только бурятской литературы, но и в общий процесс многонациональной российской литературы» [Балданов, 1997, с. 23]. Мотив возвращения во времени, возвращения в прошлое приобретает большое значение в контексте нравственно-этических исканий автора как выражение кармической предопределенности событий, когда переоценка прежних событий происходит в финальной части жизни героев, ретроспекция проясняет их ошибочные действия, нарушение неписаных правил и закономерностей, постигаемых интуитивно с сохранением безусловной веры в объяснение причин произошедшего. Логика мифосознания усматривается и в восполнении нарушаемого баланса, и в сохранении компонента веры в выстраивании причинно-следственных связей.

Список литературы

Балданов С. Ж. Меридианы и параллели Б. Ябжанова // Б. Ябжанов. Книга о писателе. Улан-Удэ: Буряад Үнэн, 1997. С. 20–23.

Лотман Ю. М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 224–242.

Силантьев И. В. Мотив в системе категорий нарратива // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. Вып.4: Интерпретация текста: сюжет и мотив. С. 13–35.

Тюпа В. И. Словарь мотивов как научная проблема (на материале пушкинского творчества) // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание. 2-е изд. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. Вып. 1. С. 170–197.

Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб.: Алетейя, 1998. 249 с.

Ябжанов Б. Рассказууд. // Байгал. 1989. № 6. С. 77–103.

Ябжанов Б. Эхэ шоно // Байгал. 1984. № 4. С. 51–66.

Ябжанов Б. Хэрмэшэ // Эргын шүүдэр. Улаан-Үдэ: Бурядайд номой хэблэл, 1986а. С. 282–287.

Ябжанов Б. Нулимса // Эргын шүүдэр. Улаан-Үдэ: Бурядайд номой хэблэл, 1986б. С. 288–302.

I. V. Bulgutova

*Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation*

MOTIF OF RETURN IN B. YABZHANOV'S PROSE

The article deals with the works of a Buryat writer, B. Yabzhanov, where the motif of return is significant because the plot is built around it and the motif becomes the final link of the cyclic plot scheme «loss-search-acquisition». The author discusses the mythological semantics of the return motif and its deep roots in the unconscious in works where archetypal images, in particular, the Mother archetype, are represented. In the story «Mother's Heart» the heroine returns to the foundation of her house in the unconscious state of mind, anticipating death, which is seen as a final return to the womb of Mother Nature. Therefore, the story has a semantic identity revealed in the fact that when the mother dies, her dead children return to her, and she herself returns to eternity. The story «Mother Wolf» presents the idea of motherhood in the nature, it shows the need to preserve the natural balance, thus a motif complex arises, in which the return is associated with revenge and acquisition. Return as the final link in the life cycle is naturally associated in the author's consciousness with the Mother archetype, the integral aspect of which is to function as a source of life. The realization of the original identity idea in mythological consciousness determines the connection between the motifs of return and death, for example, in the story «Hermeshe», death means the return and heroes' acquiring their original nature.

In B. Yabzhanov's stories «Tear» and «Stone flung into the sky» the motif of return is realized in the context of the author's moral and ethical search as an expression of karmic determination of events set by the heroes themselves – those who have the authoritative point of view. In the final stage of their lives, the characters return to the past and reassess the events of their lives, thus the device of retrospect helps to make clear that their actions were erroneous because they violated unwritten rules and patterns, naturally established by mythological consciousness. Return as the restoration of lost balance is revealed in the motif of punishment. The author, within the individual human life, shows the violation of order and the inevitable restoration of integrity later.

In B. Yabzhanov's autobiographical novella «My misfortunes and joys», the motif of return means healing and transition to the next stage of life search. The autobiographical touch allows the author to open the logic of mythology by setting the time vector historically, from the past to the future. Thus, in B. Yabzhanov's works, the motif of return has mostly mythological semantics.

Keywords: mythological consciousness, plot, cyclic plot scheme, Mother archetype, motif of return, motif complex.

References

Baldanov S. Zh. *Meridians and parallels of B. Yabzhanov* [Meridians and parallels of B. Yabzhanov] In: *B. Yabzhanov. Kniga o pisatele*. [B. Yabzhanov. The book about a writer] Ulan-Ude, Buryad Unen, 1997, pp. 20–23.

Eliade M. *Mif o vechnom vozvrashchenii. Arkhetipy i povtoryaemost'* [Myth of eternal return. Archetypes and repetition] St. Petersburg, Publishing house «Aletieya», 1998, 249 p.

Freidenberg O. M. *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of plot and genre]. Moscow, Publishing house «Labyrinth», 1997, 448 p.

Lotman Yu. M. *Proiskhozhdenie syuzheta v tipologicheskom osveshchenii* [The origin of the plot in typological aspect.] In: *Izbrannye stat'i: In 3 vols.* [Selected articles: In 3 volumes] Tallinn, Aleksandra, 1992, vol. 1, pp. 224–242.

Silant'ev I. V. *Motiv v sisteme kategoriy narrative* [Motif in the system of narrative categories] In: *Materialy k slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury. Iss.4: Interpretatsiya teksta: Syuzhet i motiv.* [Materials for the dictionary of plots and motifs in Russian literature. Issue 4: Interpretation of the text: The plot and the motif] Novosibirsk, Siberian Chronograph, 2001, pp. 13–35.

Tyupa V. I. *Slovar' motivov kak nauchnaya problema (na materiale pushkinskogo tvorchestva)* [The Dictionary of motifs as research issue (using the materials of Pushkin's works)] In: *Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoy literatury. Eksperimental'noe izdanie. Vyp. 1, 2-e izdanie.* [Dictionary-index of plots and motives in Russian literature. Experimental publication. Issue. 1, 2nd edition] Novosibirsk, Publishing house of the SB RAS, 2006, pp. 170–197.

Yabzhanov B. *Ekhe shono* [Mother Wolf]. Ulan-Ude, Baygal, 1984, no. 4, pp. 51–66.

Yabzhanov B. *Khermeshe* [Khermeshe]. In: *Ertyn shyyder* [Early Dew]. Ulan-Ude, Buryat publishing house, 1986, pp. 282–287.

Yabzhanov B. *Nulimsa* [Tears] In: *Ertyn shyyder* [Early Dew]. Ulan-Ude, Buryat publishing house, 1986, pp. 288–302.

Yabzhanov B. *Rasskazuud* [Stories]. Ulan-Ude, Baygal, 1989, no. 6, pp. 77–103.

Bulgutova Irina V. – PhD in Philology, A/Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Buryat State University (6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia, irabulgutova@mail.ru)